

Опасные
удовольствия

ДАРЬЯ СИМОНОВА

ЧЕРНЫЙ ТЕЛЕФОН

Опасные удовольствия

Дарья Симонова

Черный телефон

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Симонова Д. В.

Черный телефон / Д. В. Симонова — «Центрполиграф»,
2019 — (Опасные удовольствия)

ISBN 978-5-227-08595-5

Литературный клуб библиотеки имени Александра Грина славится активной литературно-светской жизнью: яркие презентации, встречи с незаурядными творческими личностями, бурные дискуссии, милейшие дружеские посиделки. На одном из таких вечеров происходит убийство. Личность погибшего, склочника и скандалиста, не вызывает особых симпатий тесного клубного кружка, однако какое несмываемое пятно на безупречной репутации библиотеки! Таня Нестерова, соратница, подруга и заместитель директора Бэллы Мироновой, понимает, что полиции с разгадкой не справиться: убийца не случайный гость «со стороны», а кто-то из ближнего круга, а причина убийства кроется в глубине запутанного клубка тайных любовных связей, ненависти, предательства и уязвленного самолюбия.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08595-5

© Симонова Д. В., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Дарья Всеволодовна Симонова

Черный телефон

Роман

* * *

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© Симонова Д. В., 2019

© «Центрполиграф», 2019

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2019

Глава 1

Самозванцы

Вечер получился дивным. Выступали кратко, закусывали вкусно. Маленький праздник был в честь выхода сборника современной скандинавской новеллы. А с переводчиками всегда легче – ведь они не обременены тем мучительным грузом тщеславия и недооцененности, которые несет в себе автор оригинальной прозы. Они всегда в выигрыше: если книжку не хвалят – можно списать изъяны на автора, а в случае успеха – львиную долю присвоить себе. Редкий момент, когда можно заслуженно погреться в лучах чужой славы.

Однако этим наблюдением Таня не делилась с коллегами. Опыт ей подсказывал, что в клубе «Грин», где она работала и где сегодня бурлила вечеринка, ее суждения потонут в гуле восклицаний. Интересный разговор не родится, она не станет звездочкой этого вечера.

Смешные мысли. Таня и не стремилась никогда быть в центре внимания – только сочувствовала всегда здешним завсегдатаям, которые безуспешно хотят добыть славу в кругу своих же коллег. Бессмысленное занятие... но что им, бедолагам, делать, не идти же в народ.

В тот день в центре собрались симпатичные шуточные интеллектуалы, вспоминавшие легендарные тонкости перевода «Малыша и Карлсона». И конечно, все были счастливы, что в нашу меркантильную эпоху затея со сборником удалась. Ныне подобные начинания – что черная икра. Дорого и чревато некондицией. Однако виновник торжества вышел красавцем. И в том, как ни печально, была заслуга его «родителя» – известной сволочи Семена Штопина.

Но в его сторону Таня предпочитала даже не смотреть. Целее будешь! И сохранишь неожиданное очарование сентябрьского дня и дух торжества, к которому многие оказались причастны, и потому гостей было много... Таня с внутренней несуетной улыбкой пожалела, что этот вечер не случился несколько лет назад, когда она чувствовала себя такой одинокой и могла бы завести приятное знакомство, которое потом могло бы перерасти в накатанное-намоленное «нечто большее». Жалеть ей было, в сущности, не о чем – она теперь не одна. Впрочем, всегда есть о чем жалеть, не так ли... особенно когда на тебя в упор смотрит любимый Фантом. Был у Тани такой мистический незнакомец – мужчина, которого она время от времени встречала на вечеринках, в полнотном метро, на вокзалах, уезжая в другие города... Таня была уверена, что лишь она замечала эти нечаянные встречи, а ее таинственный визави был слишком колоритен и избалован вниманием для того, чтобы запомнить обычную женскую внешность. Однако теперь он улыбался ей и с игривым шиком поднимал рюмку, словно приветствовал давнюю приятельницу. Тане ничего не оставалось, кроме как улыбаться ему в ответ, понимая, что сказка кончилась. Одно дело – тайна, другое дело – флирт, блудливая элегантность уверенного в себе самца.

Интересно, какое отношение имел этот мистер Икс к скандинавскому сборнику? Сейчас самый подходящий момент, чтобы это узнать. Но кто бы мог подумать – Таню опередил Штопин! Эти двое были знакомы. Из всех поворотов сюжета – самый неповоротливый. Как же его величество случай допустил такое бездарное убийство интриги! – сетовала Таня, обескураженно снимая кожуру с бог весть какого по счету мандарина. Она огляделась вокруг – ей срочно нужен был осведомитель. Но идеальна в этой роли лишь Бэлла Максимовна, директор и бесперебойный «источник питания» всего, что происходит здесь. Она-то знала все и обо всех, но так не вовремя отчалила на Сардинию. Впрочем, бразды правления она не упустила бы, даже улетев в другую галактику. Так уж устроена неистовая Бэлла. Боится, что без нее все пойдет неправильно. К сборнику – виновнику торжества она тоже приложила руку. Точнее, к иезуитским издательским интригам, в результате которых он был издан. Несмотря на

козни коммерческого директора и отдела продаж, которые изо всех сил сопротивлялись всему разумному, доброму, вечному. Ведь эта триада плохо продается!

Но к черту эти круги на воде. Сейчас надо узнать статус незнакомца, погибшей мечты! И перед Таней, словно плод осколка скатерти-самобранки, появилась Кира с бокалом «Мартины». Общительность Киры была безгранична, а уж сдобренная вермутом была подобна стихийному бедствию. «Кто это?» – без лишних предисловий Таня обратилась к разговорчивой коллеге, и это было руководством к действию, почти приказом. Но Кира только распахнула удивленную улыбку, опасно качнув своим бокалом.

– Ты про кого?

Ее замешательство можно было понять – рядом со Штопиным уже клубились другие лица, незнакомец исчез, растворился в праздничной сутолоке.

Беда в том, что Таня была застенчива. В запале, в гневе она могла выступить в защиту несправедливо осуждаемых, но умело влезть в разговор «нужных» людей или первой подойти и заговорить с мужчиной, который нравится, – ни за что. И даже если она выдавливала из себя попытки побороть скованность, это не приносило нужных плодов. Ее как будто не замечали, и от того она становилась еще более застенчивой. Хотя шутки ради, на кураже, могла запросто пригласить Челентано на румбу. Натура резких переходов.

С такой натурой трудно манипулировать людьми и добиваться от них желаемого. Ты во власти стихии, имеющей мало общего с твоим эго. Таня до их пор с этим не смирилась и потому теперь только растерянно смотрела на Киру, которая жаждала подробностей. Но к счастью, милейшая подруга была импульсивна и через пару секунд ее увлекла совсем другая тема. А Таня... благодаря мистическому появлению ее Фантома она напряженно вглядывалась в лица. Она словно пыталась запомнить пришедших в тот вечер, еще не зная, насколько это окажется важным.

– Вам известно, что ни один президент или монарх ни разу не умер от рака! – басил Слава Птенцов, увлекавшийся теориями заговора и с удовольствием их плодивший. Он, всегда вольно обходившийся со своим историческим образованием, на самом деле обожал джаз. И сегодня на сцене весь вечер играли его друзья-музыканты, а он, изрядно набравшийся, истерически рекламировал виртуозный свинг саксофониста, которого знал с пеленок. Всех забавляло то, что Слава был заместителем Бэллы по хозяйственной части, а на деле заведовал чем угодно, только не хозяйством. Ошибки, просчеты и недоделки Славы Птенцова обычно исправляли его коллеги, но злиться на него было совершенно невозможно. Он был обаятельный – это во-первых. А во-вторых, попробуй тягаться с этим сокрушительным, как водопад в Андах, потоком сознания. Птенцов, или как его называли, Птенчик, сумел рассмешить Таню даже в самый страшный ее день. Впрочем, это было давно, и не стоило ворошить прошлое сейчас, когда все шло самым чудесным образом.

Только жаль, что Бэлла не наслаждалась триумфом. Она посвятила клубу «Грин»... жизнь? Нет, жизнь она почему-то посвятила больной сестре и племянникам-близнецам. Чего никто из ее окружения до конца не понимал. Ведь Бэлла была вовсе не жертвенной натурой. Она была человеком ураганных чувств, и Таня всякий раз замирала в тоскливом предвидении, когда чеканные каблук-молотки начальницы приближались к ее рабочему месту. Ведь когда Максимовна бывала расстроена, подчиненным приходилось гнуться под бурей и натиском, но когда гроза проходила – Бэлла излучала эйфорический позитив. «Ну ты же знаешь, я терпеть не могу офисную работу, я вольная птица!» – напоминала она всякий раз Тане после трудного дня. И это должно было оправдывать перепады настроения. Оправданий, однако, не требовалось. Таня так уставала к концу дня, что едва языком ворочала – Бэлла умела выжимать соки. Но это была насыщенная жизнь во имя высокой цели. Вот только иногда Бэлла срывалась со своего рабочего трона и неслась к своим родным. Или не приходила несколько дней в «Грин».

И тогда все знали, что дома у Бэллы Максимовны что-то не так. Но она все уладит. Обязательно уладит.

Когда-то, очень давно Таня видела семью Бэллы. Сестра была еще более-менее здорова, а близнецы были маленькими. Когда-то Таня видела и другое: у Бэллы был друг, с которым ее связывали очень болезненные, но яркие отношения. Он был художник и нарисовал своей подруге картину под названием «Твои дети». Он нарисовал детей, которых никогда не было, о которых Бэлла только мечтала. Или... не мечтала. Они с Таней не касались этой темы. Но однажды Бэлла вывесила эту картину на одной из выставок в клубе «Грин». Он тогда и назывался иначе, и все было по-другому... И вот Бэлла решила всему свету показать «Твоих детей». То есть «своих», но, по ее замыслу, это название должно было пробуждать в каждом из нас вселенское материнство. Осознание, что все дети – «твои». Одним словом, гуманитарная художественная концепция. Время было такое – сплюснутые концепции.

Впрочем, эти чудеса миновали Таню. Она тогда еще не работала в клубе «Грин». И клуб-то был скромной библиотекой имени Александра Грина, а Бэлла – нескромной библиотечаршей, у которой была мечта. Ни много ни мало – центр современного искусства. Бэлла была одной из первых, кто раскусил, что за пыльное сокровище эти библиотеки, запаханное поле в шикарном центре города. На эту мысль ее навел один из ее монументальных любовников из властных структур. Однажды он пришел на Бэллин день рождения с редкими в то время орхидеями и открыткой «Пусть в твоей жизни горьким будет только Максим». Бэлла была чувствительна к проявлению искры божьей на манжетах и присмотрелась к красивому окладистому чиновнику попристальнее. Тем более что он, сам тогда не ведая, попал в больную точку. Отца Бэллы звали Максим, и он рано умер. Его имя не упоминалось все.

Человек из властных структур показал своей новой пассии тропинку к денежным ручейкам, и семя упало на плодородную амбициозную почву. Бэлла все устроила так, что в обычной библиотеке стали происходить необычные вещи – выставки, вечера, тусовки и откровенные богемные пьянки. Но Бэлла быстро смекнула, что когда в богом забытом местечке буянит талантливый и даже известный в узких кругах человек, то это может стать достоянием истории. И рано или поздно Бог вспомнит об этом месте, и тогда появится фишка. А раз есть фишка, то можно выкорчевать деньги на приличный ремонт. Словом, шаг за шагом Бэлла растила свое дитя...

Этапы большого пути пропустим. Их, как пейзажные описания, обычно пролистывают. Таня ненавидела эту несправедливость и потому, сколько себя помнила, училась рассказывать о пережитом вкусно и завлекательно. Потому Бэлла и пригласила ее к себе. Таниной задачей было сохранять впечатления свежайшими и облекать их в рекламные панегирики. Чтобы в клубе «Грин» продолжал бурлить неиссякаемый и изобильный поток творческих энергий.

Вечеринка в честь скандинавского сборника должна была быть подана особо. В отсутствие предводительницы Таня обязана была ничего не упустить. Но взгляд ее то и дело выскальзывал из делового тонуса, словно локоть, подпирающий хмельную голову, который низвергается со столешницы. Она замечала, что новенький сотрудник Давид очень легко влился в разговор одной влиятельной редакторши крупного издательского дома и ее свиты. «Вот ведь, без году неделя, а туда же. Зачем ему эти монстры? Только не говорите, что он тоже переводчик... писатель... поэт... художник...» – усмехалась про себя Таня и одновременно завистливо корила себя за созерцательность. Ей-то как раз не помешало бы приручить этих монстров, но – в который раз за вечер! – она пожалела, что не умеет нравиться нужным людям. Если бы она так же, как этот миловидный чернобровый парень, плевать хотела на связи, – она бы развернулась. Пока тебе все равно, ты паришь, ты красивый, свободный и молодой...

А Бэлла давно зудела: когда ж ты, наконец, научишься выкладывать себя на витрину в выгодном освещении?! Но видимо, красавчик Давид был бы куда лучшим учеником.

Бог с ним. Таня заметила также, что у Ляли наворачиваются слезы, но она держит фасон. Наверное, на нее опять накричал муж. Мерзкий тип. Но она терпит. Потому что... далее Таня помнила наизусть: «...он женился на бабе без квартиры с трудным подростком». Народная библия, не иначе. Все привыкли к жлобству Лялиного супруга, все принимали его как неизбежность петушиного крика на рассвете или вечерних автомобильных пробок. Никто ни разу не остановил его фарисейские потоки брани... Но почему?! Таню не раз захлестывал гнев, особенно когда она была уставшей или расстроенной. Она мечтала подойти и наотмашь врезать по злой рыхлой морде, но ей говорили: «Не вздумай! Сами разберутся. Это их дело. Милые бранятся...» – и далее по накатанной. А кто говорил? Прежде всего ее собственный муж. Тем самым Ник укреплял Танину уверенность в том, что самое опасное место для женщины – это ее семья. От нее тебя точно никто не защитит...

– Ночная кукушка все равно всех перекукует! – По цитируемости это была наипервейшая максима в семействе Тани Нестеровой. Ее обгоняла лишь сентенция о том месте, которому пьяная женщина не хозяйка. Как ни странно, и среди таких заповедей можно чувствовать себя счастливой. У Тани случалось. Но в последнее время все реже.

Кукушка... это уже не кукушка, это уже ночной стервятник! Таня стала пробираться к Ляле, думая оказать первую утешительную помощь, но ее так некстати подрезала мадам Девяткина. Игнорировать эту особу было нельзя – она могла написать жалобу в департамент. Тот, кто не знал Девяткину, мог бы счесть это шуткой, но легкомыслие могло дорого ему стоить. Татьяна не уставала удивляться живучести касты стукачей – при всех режимах и во всех заводах. Девяткина же – случай особый. Много лет назад в библиотеке имени Грина родилась традиция – трогательные камерные концерты студентов консерватории и детей из музыкальных школ. Времена менялись. Бэлла, придя к власти, обнаружила, что субботние музицирования уныло обветшали. Молодая поросль устремилась на другие площадки, а в зрительном зале осталась категория тех, кому сильно за... Бэлла, обозвав увиденное богадельней, решила с этим покончить. Но старая гвардия завсегдатаев взмолилась. Им были остро необходимы эти встречи по субботам. И Таня заступилась за «полторы калеки». Ей стало жаль лишать благодарных и беззащитных стариков последней радости жизни, которая и так на исходе, – а была ли она и до этого счастливой? Бэлла только тяжело вздохнула на гуманную философию. И вскоре Таня поняла почему. Среди симпатичной публики ей встретились настоящие монстры, и мадам Девяткина была главным. Когда субботние сборища оказались под угрозой закрытия, она взяла на себя организацию концертов, чему сама Таня и потворствовала – все равно этим заниматься было некому. А Девяткина сотрясалась инициативой. Но, увы, опасной. Она не уставала, как Хрущев, громить современное искусство, которое оживило библиотеку духом модного креатива. Девяткина же и ее приспешники ратовали за монотонную классику и пухлощекый соцреализм. Ее тирады были агрессивны и сопровождались зловещим посвистом неплотной вставной челюсти. Таня вообще толком не знала, что она хочет. Но на всякий случай никогда не спорила с ней и не умела давать отпор.

– Татьяна, я что-то не пойму, эту субботу вы опять у нас отбираете?

Таня была не в курсе, чьи внезапные планы обрушились на субботу, но она знала одно: сейчас Девяткина вопьется в нее своим жестоким жалом и будет попрекать ее тем, что прошлый концерт опять никто не удосужился даже сфотографировать, уж не говоря о видеосъемке, а ведь «на сцене происходили такие тончайшие вещи!». Меж тем нынешний пьяный табун снимают аж две камеры и фотографируют бессчетно... И почему никак не вернут статуэтку Грина, которая пропала лет пять назад и которую «поди, продали на черном рынке». И далее в духе марксистско-ленинского абсурда. И Таня мечтала о том, чтобы странная скульптура – кажется обозначающая слияние человека и вселенной, – которая стояла аккуратно позади мадам Девяткиной, по божьему промыслу вдруг рухнула бы на злую ведьму. Недавно, рассеянно перечитывая дневники Александра Грина, Таня наткнулась на его слова о том, что Бог

всегда наказывает тех, кто его обидел. Так или иначе, но наказывает. Без всякого участия самого обиженного... Идеальное стечение обстоятельств.

Мечтая о безгрешной расправе и обороняясь от Девяткиной, Таня даже разыскала заначку пирожков с капустой и последнюю бутылку вкусного розового вина «Ламбруска». Оно было спрятано для внезапного дорогого и важного гостя. Но, как это часто бывает, будет потрачено на обезвреживание гостя незваного. Ведь Девяткину никто не ждал сегодня... Пирожков с капустой тоже было откровенно жалко – их делал отличный повар, входивший в золотой фонд полезных связей Бэллы...

– О, их-то нам и не хватало! – Тане преградила путь одна противная литературная девица, которую в тусовке прозвали Люда Шнырь за вездесущность. С Таней они, конечно же, были знакомы, но обычно Люда едва поворачивала «головы качан» при виде столь малозначительных персонажей. Вот кто атаковал нужных людей с хитростью и свирепостью росوماхи! И что удивительно: нужные, как, впрочем, и ненужные, люди не любили и посмеивались над Шнырем, – но своих целей она достигала. Надоедливая, без выдающейся внешности и напрочь лишенная обаяния, Шнырь уверенно шла в гору и недавно захватила место ведущей рубрики в процветающем журнале. Теперь она позарилась еще и на пирожки. Судя по всему, они уже закончились на столах, а разгоряченные гости презентации жаждали закуски.

– Это для ВИП-гостей! – пресекла Таня всякие притязания на лакомство. Не без мстительного удовольствия, надо заметить. Бэлла яростно ее учила отшивать наглецов и хамов, и изредка это у Тани получалось. Дать по носу Шнырю – удовольствие, что ни говори. Боковым зрением Таня видела, что Люда, обескураженно разгладив на груди колтун из этнобус, вернулась в пригретую компанию за столиком, где несомненным гвоздем внимания был Штопин. Маленький островок ада! На мгновение Таня даже пожалела глупую Люду – попала как кур в ошип! Но, увидев, как та льстиво чокается с монстром, поняла, что жалость тут не ко времени.

Временно задоблив Девяткину яствами, Таня пошла в зал, где резвились джазисты. И в полумраке, среди сонма лиц она снова увидела... его. Своего фантома. Теперь он ни с кем не разговаривал. С него слетел лоск самодовольства, он казался притушенным, его застывшая сосредоточенная мимика рельефно обострила одиночество. Он не чувствовал Таниного взгляда, судьба не собиралась помогать ей, как это обычно происходит в избитых мелодраматических сюжетах. Судьба – сплошной бег с препятствиями. Преодолевая их, мы ждем вознаграждения – и бываем жестоко разочарованы, когда вместо приза получаем новое препятствие...

Но ведь так и происходит, не так ли? Не одна неприятность за другой, а одна – над другой! Кто сказал? Одна писательница – Таня не помнила, кто именно. Работая в библиотеке, она пропитывалась цитатами, но не запоминала авторов. Однако здесь – в самое яблочко. Именно одна – над другой. Жизнь – это печальное восхождение к невыносимой мудрости ничего не ждать. К невыносимой легкости бытия – к чему же еще! Делать добро – и бросать его в воду. Что давно знают на Востоке, но никак не поймут на Западе.

То ли это была музыка, под которую мы предаемся потоку сознания, то ли моментальное озарение, отпускающее здоровые инстинкты на свободу, но Таня вдруг легко подошла к своему заклятому незнакомцу и, словно всю жизнь не вылезала из роли хозяйки вечера, предложила ему освежить бокал. Ведь в руке у нее по-прежнему была бутылка «Ламбруски», которой она потчевала злую Девяткину. А он... трогательно-благодарно смутился, сказав, что такое невыносимо легкое, блестящее и розовое вино не для мальчиков.

Невыносимо легкое...

– Наверное, его называли в честь Ломброзо, – улыбнулся он, разглядывая этикетку. – Знаете такого?

– Конечно. «Гениальность и помешательство», – быстро ответила Таня, словно на экзамене, хотя из-за музыки едва слышала своего незнакомца.

– ...и учение о типах преступников. Вы кого-нибудь здесь различаете?

– Доброе начало разговора, однако! Но могу вам сказать откровенно, что самая таинственная личность для меня на этом вечере – это вы.

Это было не пошлое кокетство, хотя вряд ли господин Фантом это почувствовал. Таня могла себе позволить правду – ведь у нее не было далеко идущих планов. Легко говорить правду, когда ты бескорыстен. Фантом улыбался все на той же игривой волне, но говорил вполне серьезно. Он – давний приятель Штопина. Этого факта было вполне достаточно, чтобы взорвать реальность игрой случая.

– Впрочем, ваше лицо мне тоже знакомо. Наверное, наши броуновские пересечения дают о себе знать. Пора нам, наконец, познакомиться и выпить на брудершафт старого доброго виски. – С этими словами он достал фляжку со старинной монограммой. – Меня зовут Ян. А вас Татьяна, как я слышал. Мое имя – часть вашего. Так что не потеряемся.

И, сделав этот неожиданный вывод, он... стремительно исчез! Устремился к кому-то, его позвавшему, едва буркнув извинение. Таня лишь успела сообразить, что так и не извела старого доброго виски. Вот и питай романтические иллюзии после таких обманов. Впрочем, ныне Таня благостно констатировала у себя отсутствие иллюзий. Во всяком случае, романтических. Она спокойно присоединилась к Славе Птенцову и коллеге Леночке, которые радушно нацедили ей пару капель ирландского напитка – для утешения. Воистину, если перед тобой закрывается дверь – где-то открывается окно!

Что было потом? Птенчик знакомил ее с музыкантами – на предмет новых концертных планов, Таня обещала и лихорадочно записывала, зная, что все планы все равно перетасует указующий перст Бэллы. Но Таня смотрела на саксофониста, и что-то в его сутулой пластике ее цепляло, и она старательно записывала его координаты. А саксофонист, этот честный мосластый астеник, говорил, что не может понять, где в современной литературе граница между графоманией и профессионализмом.

– Ее нет! – запальчиво встревал Птенчик. – Единственный критерий – твое или не твое. К тому же среди писателей нет профессионалов. Музыка надо учиться. А писать тебя никто не научит. Ты пишешь, пишешь, пишешь как проклятый, ничего не получая взамен, кроме насмешек и злопыхательской критики, ты пишешь и пишешь, и если ты все это не бросишь, то однажды вынырываешь из первого круга ада и понимаешь, что твои критиканы – всего лишь бездари, которые сами ни на что не способны, но ты никогда не сможешь им этого сказать. Сам себя не защитишь, кто умеет защищаться – тот занимается другим делом, он торгаш или бюрократ. И когда ты начинаешь это понимать, то изредка на тебя, идущего в пустыне, проливаются капли признания, долгожданные и живительные. И ты плачешь от счастья, что до сих пор жив, хотя давно болен, измучен и одинок. Но почему-то тебе нужен только этот путь. Хотя ты навсегда останешься самозванцем. Нигде твоя профессия не будет удостоверена. Ни выборы, ни наследие – одна милость Божья, о которой, скорее всего, ты будешь оповещен только после смерти. Вот примерно так становятся писателями. При этом, будь ты хоть гением, любая злобная, завистливая Моська в любой момент может обозвать тебя графоманом – от этого не застрахован даже Лев Толстой. Потому что – еще раз повторяю! – единственный критерий...

Саксофонист уже не слушал. Зато Тане было известно, кому не мешало бы послушать внезапный Славкин прорыв в творческие горизонты. Ее мужу. Драгоценному Нику, мятущемуся в поисках признания. Именно этих слов он жаждал от нее, ближайшего свидетеля его пути. А она грешным делом все не могла уяснить, чего он так мучится. Пишешь в свое удовольствие – и ради бога. Зачем же так зависеть от чужого мнения, так страдать от него... Сама Таня, работая в «Грине», давно знала, чего стоят эти окаянные мнения, и насмотрелась на «мосек» самых разных пород. Она впитывала словесную импровизацию Птенчика, чтобы донести ее до Ника как утешение...

Она не знала, что его уже утешили.

Глава 2

Рыжие ботинки

Затухающая вечеринка легла на женские плечи. Как и всегда. Убирать со столов пластиковый одноразовый хаос, коробки из-под пиццы, а также извлеченные для особо привилегированных гостей фужеры и прочий сумбур – все это Тане было знакомо. И даже не слишком напрягало – она любила их маленький уютный буфет, который всегда был украшен приятной выставкой – картинами, фотографиями, этническими безделушками, словом, нагромождением всего того, что прекрасно своей непредсказуемой функциональностью. Кира, как водится, без умолку журчала. По залу и фойе бродили нетрезвые гости, которых ласково выпроваживал Давид. Кажется, кто-то из них был обеспокоен потерей, и Давид с церемонной вежливостью – но одновременно с насмешливой дистанцией на грани прохладцы – обещал, что вещь непременно найдется и будет возвращена своему хозяину. «Администрация коуба „Гьин“ гаантирует». – Его обаятельная легкая картавость придавала самому бытовому разговорцу светский оттенок. Его еврейские корни были очевидны – не так как другие, материнские гены, уводящие на Кавказ.

– У Ляльки опять глаза на мокром месте. Наверное, опять ее урод?

– Разумеется! – ворчливо откликнулась Кира. – Уехал и не отвечает на звонки. Пропустил ежевечернюю эсэмэску. Теперь Ляля рисует себе апокалиптические картины: погиб, при смерти, бросил, внезапно рассвирепел!

Как мы жестоко ошибаемся в чужих мотивах... Пропустил эсэмэску! Таня была уверена, что Ляля блаженствует, когда тиран ослабляет петлю. Но нет – она страдает... Ждет весточки. Жертва страсть как боится остаться без своего мучителя. Кто придумал эту адскую игру... А ведь сегодня было столько приятных мужчин. Редкий день, когда был возможен хороший улов. Нет, Таня вовсе не была сторонницей мстительных адюльтеров. Но тонизирующих искр флирта – пожалуй. Они тебя ни к чему не обязывают и рассеивают мрачные наваждения и страхи, во власти которых была теперь Ляля.

К тому же кто не знает магию переключения внимания. Появился новый объект интереса – и старый тут же шлет запоздавшую «ежевечернюю эсэмэску»!

– О, спасибо, что помогаешь!

Леночка наводила порядок за стойкой, хотя сегодня она могла бы этого и не делать. Таня давно сказала ей, что она может ехать домой, тем более жила она далеко...

– Нет, мне лучше здесь... А как ты думаешь, Ляля со своим когда-нибудь разведется?

Таня не ожидала вопроса. И он был ей неприятен, как запах тревоги. Нам обычно не нравится трагедия того героя фильма, которого мы ассоциировали с собой, ведь так... Но с Лялькой все не столь прямолинейно. Ляля с полным торжественным именем Лионелла была совсем не похожа на Таню. Как будто. Они были разные люди, но одной женской природы. Неуютно чувствовать свое родство с жертвой. Быть может, поэтому Татьяне так хотелось иногда избежать подобных разговоров. Пуля свистела слишком близко от ее собственной кармы, хоть это мало кто знал. Внешне их жизнь с Ником... нет, у них было все совсем иначе, абсолютно! Однако глубинный нерв тоже нарывал. Но, черт побери, зачем же сразу разводиться?! Почему такие крайности?

– Я много лет наблюдала такое у своих родителей, – задумчиво продолжала Леночка. – Отец орал на маму, а она потом просила прощения. Унижалась, разве что ботинки ему не лизала, как провинившаяся собака. Я с детства не могла понять, почему тот, кто творит зло, не просто остается безнаказанным – он еще и в выигрыше. Почему извиняется тот, перед кем должны извиняться? Такая семья – самое гнусное извращение.

– Девочки, кажется, я потеряла ключ от кладовки, – встряла Кира и, как ей свойственно, вместе в ключом моментально утерьяла мысль. – Между прочим, Лена, эти извращения повсеместны. Кто-нибудь в семье обязательно унижен. И кстати, не всегда женщина. Возьмем хотя бы нашу Нору. Она ж своего мужа загнала в могилу. А ведь какой чудный мужик был! Безотказный, терпеливый...

– Загнать в могилу – какой интересный приговор! – саркастически усмехнулась Лена. – Ты так говоришь – «загнала»! – только потому, что он умер раньше ее?

– Только потому, что она – мегера! Я бы умерла через неделю совместной жизни с ней. Такие люди – для идеального преступления. Они отравляют одной своей энергетикой. И их в этом никак не обвинишь. Мужское свинство – оно хотя бы очевидно. Ты знаешь, чего тебе ожидать, ты можешь приспособиться. Но если тебя тайно подтачивает нечто, которое ты даже не можешь описать словами... если диагноз так и не поставлен – то ведь смерть страшна своей неотвратимостью. Ты даже не знаешь, как тебе спастись... а где наш Додик? Надо его попросить вынести мешки с мусором...

Давида явно передергивало от «Додика», и Таня решила разыскать его сама. Он прибирался в зале и на сцене, заботливо осматривая рояль и пытаясь его закрыть. Ключ, как всегда, заедал...

– Таня, смотрите, что я нашел! Кто-то забыл свои стихи.

– Тоже мне находка. Стихов у нас тут – как грязи! Только не говори, что ты тоже поэт. Этого добра мы уже накушались, нам нужны крепкие молодцы...

– А вы послушайте:

Ты плачешь от того, что потеряла любовь?
Но найти ее – нет ничего проще...
Она бродит рядом, по горбатым переулкам и
дворам, где давно отцвел жасмин.
Любовь – больная прокаженная девочка.
Нет ничего проще, чем провалиться в ее
пропасть, рассыпаться на атомы в
мучительной вспышке, разорваться в клочья.
Так не плачь же... все поправимо этой вечной весной.

Интересно, кто автор, да?

Таня смотрела на детскую радость Давида и думала: «Хотела бы я так же непосредственно реагировать на волнующее художественное слово. Я-то начинаю по-стариковски представлять образ неприкаянного пьющего поэта, не умеющего писать в рифму, с плохим запахом изо рта, которому не светят премии и лавры. Потому что время сейчас такое – бесславия и тотального обветшания талантов».

– Давид, я обещаю тебе найти автора. А ты подежуришь как-нибудь за меня, ладно? И давай уже на «ты», а то я чувствую себя королевой-матерью.

Потом они болтали и сплетничали о сегодняшней презентации и о том, будет ли продаваться этот сборник и что для этого предпринимает Штопин.

– Кстати, почему вы все его так не любите? То есть я хочу сказать, в нашем коллективе его не жалуют... – поинтересовался Давид.

– Потому что он мерзкий. Приходит, говорит всем гадости – причем ведь знает, кому что больнее. Впрочем, в последнее время он прикусил язык, но вовсе не потому, что облагодетельсился. Может, затишье перед бурей. Или теперь кишка тонка поливать грязью клуб «Грин», теперь выгоднее с нами дружить. А раньше, когда он был всего лишь библиотекой... о, сколько

дерьма он выливал на здешних сотрудников. Беззащитные библиотекари, большей частью пенсионного возраста. Или молодняк, но без мужей – так, чтобы некому было заступиться.

– А чего он прикопался? Что ему было нужно?!

– Он одержим ненавистью к бумажным книгам. И считает, что библиотеки больше не нужны. Да здравствуют электронные носители! Еще он не любит Александра Грина как проповедника ядовитого романтизма. Вообще у Штопина много патологий. Лично мне даже говорить о них утомительно. Слишком много неприятного с ним связано. Знаешь, он косвенно виновен в том... хотя это темная история, и она случилась еще до того, как я сюда пришла...

Таня почувствовала, как напряглось Давидово любопытство, и поняла, что обязана договорить.

– Из-за Штопина уволилась одна сотрудница. Очень нервная и ранимая. Оказалось, что она была больна. Вскоре после увольнения эта женщина умерла. Это был конец 1990-х. Все, что она любила и чему служила, вдруг стало ненужным. Она тяжело переживала этот слом...

– Странно, что после этого Штопина еще сюда пускают! Не понимаю, как такое допустимо – совсем некому за женщину отомстить. Нет мужа – есть братья. Есть отец... да я бы эту мразь растоптал...

Таня жалела, что заикнулась на такую тему. Могла бы предположить, что восточные крови закипят. А если бы она выложила всю правду? Правду о том, что в случае с Маликой – так ее звали, и она была с Давидом одной крови, знал бы он... Так вот у нее как раз был муж. И он... хотел отомстить. Но с некоторых пор пропал без вести. Как в воду канул. Дети объявили о розыске. Но воз и ныне там.

Но Таня вовремя остановилась... этим Давида будоражить явно не стоило.

– Тогда скажите мне, зачем этот Штопин, ненавидящий книги, участвует в их создании? Он – идеолог сборника, который мы нынче отмечаем...

– Если под идеологией ты понимаешь регулирование финансовых потоков, то да. Штопин благодаря своим связям нашел средства на издание и наверняка солидный кусок откусил себе. Простой расчет. А идею он выудил из сонма таких же прекрасных некоммерческих проектов, большая часть из которых никогда не будет рождена... Со скандинавами сработало, потому что то ли в посольстве, то ли в обществе дружбы с Норвегией... или со Швецией нашлась дружественная волосатая лапка. При особом умении можно и самую что ни на есть бессребреническую затею обратить себе на пользу. Деталей я не знаю – Бэлла больше в курсе.

С Давидом было приятно поболтать. Уборка обернулась приятным продолжением вечера. Такое бывает... За временем Таня не следила. Ее, как и Лену, не особенно тянуло сегодня домой. Ведь там – та жизнь, что одна неприятность над другой.

– Это афоризм Эдны Милли, кстати, – заметил Давид, едва пряча мальчишескую гордость за свою осведомленность.

– О, спасибо. А я ее совсем не знаю. Американка – вот и все.

– В Америке она знаменитость. Я писал о ней курсовую. Она искренняя. Ее книги сжигали в «451 градус по Фаренгейту».

– Вон оно что – ты тоже из нашего литературного гнезда!

– Отчасти. Но мне больше нравится исследовать биографии тех, кого мне нравится читать. Я хочу описать в полной мере их диагноз. – Давид смущенно улыбнулся.

– Еще один вариант «Гениальности и помешательства»?

– Да нет же. Во-первых, на гениальность я не заховаюсь. Во-вторых, у Ломброзо нет и не могло быть о тех, кого я люблю. В-третьих, он же первопроходец. У него все сыро, наивно, эмпирически...

Пока они увлекались эмпирикой, «Грин» опустел. Но не абсолютно.

– Так, ребяташки-козлятушки! – вторглась в идиллию Кира, сквозняком ворвавшаяся из фойе. – У нас в кладовке спит пьяный! Кто его подымет? Мы, полторы калеки? Мужики, как назло, все сдулись и срыли. И шо?

– А меня вы уже не учитываете? – усмехнулся Давид. – Пьяный человек – обычное дело. Сейчас реанимируем. Только я не припомню, чтобы сегодня кто-то мертвецки набрался... Пили-то легчайшее вино!

Таня тут же вспомнила фляжку со старинной монограммой. Хотя с чего она решила, что монограмма старинная? Бог с ней, со стариной! Просто фляжечка хранила кое-что погорячее вина. А ее владелец так скоропалительно исчез. Напился и упал? Обычное в наших краях продолжение знакомства, однако.

Снедаемая смятением любопытством, Таня ринулась к кладовке. Но ее ловко подрезал Давид: «Пардон, но сначала лучше войду я!»

Каков джентльмен! Иди, дружок... Кладовка была стратегически важной точкой для клуба. Она представляла собой не столько кладовку, сколько небольшую комнатку, которая в зимнее время служила гардеробом сотрудникам «Грина», а также хранилищем всякой всячины. Здесь обретались картины в ожидании своего выставочного часа или, напротив, после него, а также прочие арт-объекты. Здесь хранились моющие средства, канцелярские мелочи, елочные игрушки, писчая и туалетная бумага, потерянные вещи – словом, сама пестрота жизни соединяла на этом пятачке высокое и низкое.

– Интересно, как вообще сюда проникли посторонние? – очнулась Таня.

– Слушай... – перешла на виноватый грудной полусшепот Кира. – Я в суете как-то упустила из вида, куда сунула ключ. Видимо, оставила его на стойке буфета. Там разливали вино... и, наверное, кто-то взял. На нем ведь бирка с надписью «кладовка»...

– То есть ты полагаешь, кто-то взял ключ, чтобы вздремнуть?

– Почему нет! Там есть диванчик. Я, между прочим, не раз сама на нем кемарила... Только наш пьяница с дивана рухнул.

Диванчик – громко сказано! Это была узенькая кушетка. На нем мог уместиться разве что тщедушный безумец Фунтиков, местный параноик, достойный пера Гоголя, ставший печальной достопримечательностью благодаря своей протертой и пропотевшей до смрада милицейской форме. Истинным призванием Фунтикова были нудные придирки и туманные сладостные намеки на карьеру в прокуратуре. «Опять в прокуратуре с ксероксом напряженка», – веселились библиотекари поначалу, когда Фунтиков только еще возник на горизонте с назойливыми просьбами размножить свои замусоленные бумаги... Но шли годы, как говорится, «уж полночь близится – а Герман тут и тут»...

Но черт, черт, черт! Шутки в сторону. В кладовке лежал вовсе не Фунтиков. Таня узнала его по ботинкам. Очень манерные рыжие ботинки с узкими носами, обитыми железными скобками. Да, она узнала этого человека. И ей было очень странно, что никто более не опознал «милого по походке». Впрочем, с ней были только двое – Кира и Давид. Давид не столь давний обитатель здешней тихой заводи, а Кира, несущаяся по жизни стремительным домкратом, вряд ли замечала такие мелочи...

– Ребята, это же Штопин...

Потом Таня четко помнила, что первой мыслью, пришедшей ей в голову, была смерть. Насильственная или в результате иной, высшей преднамеренности судьбы. Такие масштабные подонки умеют пить и не валяются в беспамятстве в чужих кладовках! Свой конфуз Семен Штопин обставил бы на все сто. И разумеется, не позволил бы своему августейшему габитусу так неловко сползти с ложа, опрокинув на себя вешалку с голубыми халатами уборщицы и зеленым пуховиком, чей хозяин давно затерялся на перепутьях и полустанках 90-х...

– Тот самый Штопин? – усмехнулся Давид, а Киру замкнул изумленный шок, иначе новость уже облетела бы полстолицы. Да Таня и сама была нокаутирована иронией судьбы. Но... с этим надо было что-то делать!

– Давид, откопай его! – дала Кира волю своему черному юмору и зашлась в хохоте. Таня была бы рада к ней присоединиться, но ей мешало неприятное и тягостное предчувствие, что сейчас им станет не до смеха. Мизансцена не задалась. Тем временем Давид, невзирая на женские истерики, действительно откопал бедолагу. И тщательно приводил в чувство. Но чувства оставили Семена Штопина. Давид его тряс, хлопал по щекам и даже пытался усадить, но все тщетно. А потом он пощупал пульс у беспробудного и... очень испугался.

– Я не могу найти пульс. Пора вызывать скорую...

– Мать божья! Это ж когда мы отсюда уйдем?! – спохватилась Кира. – Я обещала Юрке...

– Понимаете... у него рана на голове. Череп проломлен. У него нет пульса. Наверное, он мертв.

К стыду своему, Таня запомнила и эту свою реакцию: не может быть, чтобы Штопин вот так легко умер! Таким злодеям надо сначала с богатырским упорством вбивать осиновый кол в грудь... Таких злодеев должны повергать сказочные герои. Кряжистые, в праведном поту. Таких злодеев не может обнаружить бездыханными столь разношерстная и нелепая компания из Тани, Киры и Давида. Их альянс случаен! Между ними – никаких связей... Нет, пожалуй, все происходящее – скверная репетиция бездарного водевиля.

– Кроме нас, все ушли? Никого нет? – быстро спросил Давид, и по Таниной спине пробежал холодок.

– Я боюсь покойников, – вдруг очень спокойно сообщила Кира. – Я знаю, что глупость, но я боюсь. А вы?

Таня мотнула головой. Она не боялась умерших. Она боялась живых. Тех, кто уже убил одного и теперь охотится за следующим. И кто может находиться рядом.

Давид словно прочел ее мысли. Хотя почему – ее? У него своя голова на плечах, и, судя по всему, он умеет ею пользоваться, раз пошел проверять черные ходы, «тропы Крысолова», как называли сотрудники «Грина» тайные переходы, что пронизывали это старое здание насквозь, как больные бронхи. «У Давида есть ключи. Он открыл дверцу, что ведет из кладовки на черную лестницу. Она ведет на второй этаж, в библиотеку. Он пошел проверять... он не боится. Бэлла доверила ему ключи. Умная Бэлла...» – Таня собирала воедино осколки мыслей, а Кира... она уже звонила в скорую. Впрочем, нет, она звонила своему мужу. А надо звонить совсем не ему... И надо идти вместе с Давидом, чтобы он не был один! Надо идти. Таня решительно попыталась встать, но ноги ее не слушались. Она провалилась в небытие.

Глава 3

Джим Бим

С того самого мгновения, как Таня услышала о смерти Штопина и попыталась не поверить в дурную весть, ее накрыло чувство вины. Одному Богу известно почему, но главным ответственным за трагическое и невероятное происшествие в клубе «Грин» Татьяна Нестерова назначила себя. Прежде всего из-за презрительной ненависти к жертве. Этим, однако, грешили многие из тех, кто присутствовали в роковой вечер. Но ведь они, все те, остальные, были свободны от обязательств, которыми была обременена Таня. Это она легкомысленно и поспешно гарантировала тревожно отъезжающей в райские итальянские кущи «пани директрисе», что все будет по высшему разряду. Они с Бэллой мирно выпивали в открытой кафешке по соседству с «Грином», и Тане тогда совершенно не хотелось думать о делах. Она размышляла о том, почему все уже побывали в европах, включая уборщицу, а семья Нестеровых дальше Крыма никуда не выезжала. И куда там Сардиния с Капри – до Турции бы доехать. Хотя здесь собака и зарылась. Желания метались от юга Франции до Ирландии, а понижать градус до Турции никто не хотел. В итоге смутный объект желания признавался материально недостижимым, и не ехалось вовсе никуда. «Потерянное поколение», – вздыхала Таня. «Вот ты этим и займись!» – туманно отзывался Ник. Это он о том, что развлечения и путешествия должна организовывать женщина. А женщина была организатором никудышным.

Подобные рефлексии и опутывали Татьяну, когда она со старой подругой-начальницей Бэллой посиживали в кафешантане, призывая отпускные настроения для отъезжающей. Пани, как всегда, предчувствовала, что без нее нагрянет проверка или на «скандинавском» вечере сломается видеопроектор. Или еще что похуже. Но вряд ли она предполагала такое! Она, конечно, думала о смерти. Естественно! Ведь ей предстояло лететь в самолете, чего Бэлла терпеть не могла. Она собиралась объяснить Тане как своей подруге и доверенному лицу, в каких папках ее компьютера располагаются стратегически важные сведения о ее проектах. Она даже завела разговор о... душе!

– Знаешь, недавно... не помню, какая марка, выпустила духи «40 дней». Купишь их в память обо мне, если я таки разобьюсь. Хотелось бы как-то красиво исчезнуть.

– Ишь ты, куда тебя занесло! А духи при чем?

– Идея такая: ты ими пользуешься, а душа близкого человека пребывает всегда с тобой. Душа того, кто умер. Нет, я не сошла с ума, просто теперь такие выпускают бренды. Для утонченных.

Таня давно заметила, что уезжающие на отдых, чтобы не сглазить предстоящие им чудесные деньки, основательно запудривают мозги интересующимся. Например, своей нелегкой долей. Просто непосильной для брэнной человеческой оболочки. Сборы, визы, самолеты – сплошная драма, а не поездка! Так что на Бэллы всхлипы Таня изображала умеренное сочувствие, храня внутри усмешку. Красиво исчезнуть – неактуально! Теперь, Бэлла Максимовна, задумайтесь, как красиво вернуться.

Даже подумать страшно, что придется звонить ей и обо всем рассказывать! А самое странное, что когда Кира кричала в трубку своему мужу – теперь кажется, что это был крик, после которого Таня провалилась в свой первый в жизни обморок, – кричала о том, что убили Штопина, то Татьяна отчетливо расслышала, как голос на той стороне ответил:

– Надо же, не думал, что она с ним разделается...

Она с ним разделается! Что это значило? И кто – она? Бэлла? Зачем ей разделяться с Семеном Штопиным, с которым она сохраняла безупречные деловые отношения, вопреки его мерзкому характеру. Он был ей полезен, он сводил ее с нужными людьми, он открыл ей

путь на телевидение – благодаря его протекции она должна была в скорейшем времени рассказать о «Грине» в одной из прайм-таймовых программ. Хотя это было вилами на воде написано – Бэлла не уставала подчеркивать, что все замыслы, которые зависели от Штопина, могут в любой момент рухнуть. И тем не менее зачем ей с ним разделяться?! Дикая мысль. Надо было сразу призвать к ответу Киру, но от наплыва новой пугающей реальности Таня постыдно, словно сентиментальная кокотка, лишилась чувств, а потом началось ужасное действо – «скорая», труповозка, менты... Весь этот обрушившийся кошмар, от которого Таня пыталась отгородиться неверием, накрыл ее с головой, и реплика с той стороны телефонного разговора стала казаться призрачной, придуманной, померещившейся. Таня снова и снова захлебывалась своей виной: как она могла допустить в «Грине» такой кошмар... Все потому, что без начальницы она невесомая величина. Словно присутствие Бэллы защищало от самой смерти! Во всяком случае, при ней Кира не оставила бы ключ от кладовки на барной стойке. И в этом простая и жуткая истина – тривиальные правила могут защитить от непоправимого. Но мы и их не способны выполнить. Как дети малые без маменьки-наседки.

Таня знала, что самобичевание к добру не приведет. Что роль личности в истории не меняет ее столь глубинно. Или меняет? Все эти метания заставили ее забыть о мелочах и деталях. И только потом, когда Ник наконец привез ее домой, она начала слабые и лихорадочные попытки анализировать случившееся.

– С ума сошла?! Не вздумай лезть во все это! – пресек их муж. – Запомни, как бы там ни было – тебя это не касается! Не хватало еще чувствовать себя виноватой... тебе не должно быть никакого дела до того, кто и что сказал по телефону какой-то Кире, ясно?!

Меж тем именно Кира при всей ее внешней суетности и бессмысленных ускорениях была Тане симпатична. Она одна из немногих всегда выполняла поставленную перед ней задачу до конца и была безотказной. Просто работала она в ритме, понятном ей одной, ходила тропами, одной ей известными, и частенько выдавала результат, когда его уже не ждали. Но результат этот бывал прекрасен, и стоило ли придирается к процессу... творческому процессу, надо заметить! Кире достался один из самых тяжелых фронтов – доля единственного технаря среди махровых гуманитариев, так что работы ей хватало. Поэтому рассеянность и забывчивость были ей простительны. Тем более что высокотехнологичная стезя для Киры оказалась благоприобретенной, а изначально она была восторженным библиотекарем, родившимся в один день с Мариной Цветаевой. Словом, именно Кире можно было довериться... но Таня совершенно не знала ее супруга. Хотя не сложно догадаться, откуда он имеет свою версию случившегося. Великий Кирин движок, работавший на полную катушку, не давал ей хранить тайны. Если ей что-то было известно, то это непременно становилось известно всем – далеко не только мужу. Стало быть, истина лежала на поверхности, как злополучный ключ от кладовки...

– Ник, только не кричи на меня сейчас! Можешь просто послушать?

– Я и не кричу, я предостерегаю тебя от глупостей. Ты можешь себе навредить, я тебя знаю.

– Погоди с этим. Помнишь, когда я тебе в который раз рассказывала про хамство Штопина. И сказала, что еще одна гадость – и дам ему в морду. А ты ответил, что надо действовать умнее. Надо довести ситуацию до абсурда, до кипения, когда гадюка ужалит настоящего хищника, который от нее мокрого места не оставит. И который легко забудет об этом. Ты говорил мне: «Учись бороться с врагами чужими сильными руками. Подталкивай своих врагов к гильотине провидения – чтобы добрые люди, и прежде всего ты сама, не пострадали. Разрешай конфликт ко всеобщему удовольствию»...

– Помню. Говорил. И что же?

– Мне кажется, это и произошло. Только разве мы хотели его смерти... мы хотели, чтобы он просто оставил нас в покое.

– Горбатого могила исправит, как тебе известно, – цинично вздохнул Ник. – Я не понимаю, чего ты-то так убиваешься? Эта партия сыграна кем-то другим. Я тебя учил лишь общим принципам борьбы со злом. Зло должно быть уничтожено злом. А ты не путайся под ногами. И ты, я надеюсь, не успела ни во что впутаться...

– Господи, конечно нет! – ужаснулась Таня.

– Вот и теперь сиди тихо. Дабы рикошетом отдача не замучила. Без тебя разберутся.

– Но я чувствую ответственность! Я же обещала Бэлле, что все будет в порядке. А в результате допустила такое. Надо было следить... хотя бы за ключами! Бэлла будет в ужасе.

– Хватит обогреть собой планету и воображать себя божеством! Как будто того, кто это задумал, остановили бы какие-то ключи... у вас там полный бардак! Заходи кто хочешь, прячась во всяких закоулках, давай по башке кому хочешь. Да твою Бэллу надо гнать в шею за то, что она до сих пор не завела в клубе охрану! Ведь ходит всякий сброд... А ты еще собираешься быть перед ней виноватой! Может быть, она вас просто подставила, а сама свалила на курорт! А что, если это был ее план убрать вашего Штопина? И смылась-то она, чтобы обеспечить себе алиби. Тебе такое в голову не приходило?

Что только не приходило Тане в голову! Но к подобным версиям она была не готова. Зато к ним всегда готов драгоценный Николя, который не прочь заподозрить Таниных друзей в худшем. Ник не скрывал, что жена «с прицепом» – это не для него. Прицеп – дети, родня, друзья – только мешает. Он искал вариант незамутненной материи и духа, табула раса, прозрачный сосуд... А нашел Таню с сыном от первого брака и с глубинным предрассудком о том, что дружба важнее любви. Все потому, что она смеялась над его шутками и полюбила его первой. И не испугалась, когда почувствовала себя незащищенной. Ни с кем другим до того она не могла обозначить точку отсчета любви. А с Ником получилось. Это произошло вечером на бульваре, когда они гуляли и присели на скамейку, а рядом резвились дети, свисая с нагромождения лесенок, канатных мостиков и прочей арматуры, которая лишь издали обретала задуманную форму величественного корабля. Ник вдруг лег на скамейку и положил голову Тане на колени. И это вышло у него легко, словно они уже прожили много лет вместе, хотя они были едва знакомы и близости между ними не было. И казалось, что никогда не будет, потому что Таня знала – этот мужчина не для нее, ему нужна дива, не обремененная...

Теперь их называли «Нестеровы», хотя они не были женаты. И никогда не будут. Ник боится чужих детей, тем более мальчиков. Он не стал сегодня на нее долго сердиться. Он очень быстро ее простил «за причиненные неудобства». А Таня так измучилась, что враз рассыпалась от мутной усталости. Очень скоро она уснула, но так же внезапно проснулась, обнаружив себя прижавшейся к теплой мятой сонной щеке мужа. Он, слава богу, спал, хотя сон у него был раздражительно чуткий. А Таня вдруг с неожиданной ясностью вспомнила события этого вечера и ночи. Вот клуб пустеет, в буфете прибираются Кира с Ленкой, а потом Ленца отчаливает – даже не зная, насколько предусмотрительным был ее своевременный уход, – вот Таня болтает с Давидом о... боже, Малика! Та женщина, что умерла из-за Штопина. Которого теперь настигла месть... Быть может, ларчик открывается так просто! Об этом Таня ничего не сказала следователю. С какой стати! В любом случае она на стороне Рашида. Кажется, так звали мужа Малики, который пропал. И теперь объявился?! Затем, чтобы свершилась справедливость.

Следователь – низкорослый Бисмарк с прямоугольным лицом. Таня, конечно, знала, что основная миссия полицейского ведомства – сотворение гигантской карательно-канцелярской кухни, но такого вдохновенного творца отчетности надо еще поискать! Ко времени его приезда, правда, Николай уже продиктовал своей супруге непреложные принципы общения с органами власти: давать как можно более скупые свидетельские показания и ничего не подписывать. Но не подписать, конечно, не получилось. Все подпишут, а Таня – нет? Бог с ним, речь не об этом. Именно в тот момент ужаса у Тани в голове сложилась галерея образов, увиденных за «скандинавский» вечер. Конечно, знала она не всех. Но описать смогла бы. А к тем, кто не

попался в ее поле зрения, у нее выстроился ряд вопросов. Например, к сотрудникам – когда ушли дежурные по библиотеке сверху... Вот за этими самыми дежурствами Таня никогда не следила. Всем этим мудреным расписанием переработок и отгулов ведала Ляля. Светлая и беспомощная. Так, но вчера дежурить не могла, она в пестрой мозаике вечеринок запечатлелась, она была со всеми. И плакала. Нора? Нет, она не могла дежурить – она же главный специалист по зарубежной литературе. Точнее, она библиограф, но со скандинавами у нее какие-то особые отношения... Впрочем, Нора в памяти не всплывает. Или у Тани не идеальная память, как она привыкла считать? Она обожала производить впечатление воспроизведением укромных эпизодов двадцатилетней давности, обволакивать паутинчатым кружевом деталей... но одно дело мирная жизнь, другое дело – жуткий форс-мажор.

Господи, к чему ломать голову, когда есть фотограф. Шустрый малый, который снимает почти на каждом мероприятии в «Грине». Он делает и видеосъемку, надо срочно с ним связаться. Вообще все это обычно делает Бэлл. Ей и шевелиться для подобных мелочей не нужно – птицы удачи сами слетаются к ее кормушке. Нынешний фотограф у нее в фаворе – зовут его Егор, он молод и амбициозен, но без утомительного гонора и никогда не подводит. Ценный кадр. И ведь, скорее всего, после убийства он слиняет... зачем ему пятнать себя дурной славой клуба «Грин». Однако фотографов много, а «Грин» один! Нет, глупости, это только Бэлл считает свое детище уникально породистым и неповторимым по определению... Стоп, неужели зерна сомнений Ника начали прорасти и Таня теперь злится на отпускную и великолепную...

Клубок раздумий в клочья распотрошил звонок. Звонил Давид!

– Татьяна, простите меня, но я вынужден был вам позвонить. Меня допрашивали. Я только что из отделения. По-моему, они решили повесить убийство на меня. Я ничего не понимаю... ведь пока даже нет четкой версии, как это произошло. Орудие убийства не выяснено. Штопина кто-то ударил в висок. Знаете, мне почему-то неудобно называть его по фамилии – ведь я его совсем не знал.

– Тебе повезло! – вырвалась у Тани неуместная фраза.

– Так вот я хочу сказать на случай, если меня заметут...

– Глупости, никто тебя не заметет. Тебя не имеют права задерживать без предъявления обвинения более чем на трое суток!

– Вспомните, в какой стране мы живем. К тому же у меня липовая временная регистрация и я лицо подозрительной национальности. Удобный кандидат для обвинения. Я звоню, чтобы предупредить – судя по всему, расследование будет формальным. Либо сделают меня козлом отпущения, либо... в общем, пока я на свободе и прошу вас обратить внимание на тот факт, что убить могли тростью. Наверно, не простой, особенной, с тяжелым наконечником – я не знаю. Но помню только, что последними с вечера уходила компания, которая что-то говорила о потерянной трости... Понимаю, что это выглядит надуманно, но эта трость не идет у меня из головы. Я даже знаете, какую версию изобрел?

– Мы же договаривались на «ты»! – машинально поправила Таня. Словно бы это имело значение перед лицом той опасности, которая теперь нависла над Давидом. Но в опасность не верилось. Вздор! Не отдадим мальчика в лапы карательных органов. Спрячем! Таня понимала, что она смешна в своих иллюзиях о том, что человек может обмануть или победить систему, но избавиться от них не могла. Они были ее соломинкой. Одной из соломинок, которые держат, вместо трех китов. – И что же за версия?

– Знаете, есть такое правило: хочешь что-то спрятать – положи на виду у всех. Мне кажется, здесь могла произойти подобная история. Те, кто замыслил убийство... подчеркиваю – это не один человек, это группа! И они осуществляют свой замысел практически на виду у всех. Возможно, даже исполнитель не один. Короче, принцип убийства в толпе. Когда никто не запомнит тебя. И когда можно даже уйти с шиком – самыми последними... типа – кто на

нас подумает, если мы так непринужденно себя ведем. Ну... как? Бред? Но на всякий случай следует поискать того, кто приходил с тростью.

– Конечно, поищем, – обалдело отозвалась Таня, которая, по совести говоря, была не слишком готова выстраивать версии. – Я ведь тоже помню, что, когда мы уже прибирали зал, в фойе какие-то люди что-то искали... А эту...

так называемую преступную группу ты совсем не запомнил? На фотографии узнаешь?

– Пожалуй, да. Но не думаю, что всех. Их было... четверо. Не помню. Почему-то я их запомнил очень плохо. Это мне и кажется подозрительным.

– Я вот тоже считала, что у меня прекрасная память, а теперь обнаружила, что я вовсе не такой уж мнемоник! Нет, Давид, сам факт незапоминаемости не может служить поводом к подозрениям. Мы не запоминаем тех, кто не кажется нам важным...

Но есть манящий образ, который преследует нас, и что тому причиной? Фантом, человек с фляжкой, таинственный и спонтанный, как импровизация... Убийство затмило его, но ненадолго. Ведь он явно из окружения Штопина. И кстати, завел разговор о типах преступников... «Вы кого-нибудь тут узнаете?»! Давид со своей версией «убийства на поверхности» словно вторит ему. Не следует торопиться с выводами, но Фантома надо разыскать обязательно. Но как?! Известно только его имя – Ян. «Мы не потеряемся. Мое имя – часть вашего». Пошлые заигрывания в руку! Словно знал, подлец, что Таня захочет его разыскать. И пускал пыль в глаза. Где ж его теперь искать? В социальных сетях? Если только он не выйдет на Таню сам, чего ждать нелепо. Но если он близкий друг, то просто обязан...

Глупости. Все связи у Бэллы, осталось ее оповестить. И остаться после этого в живых!

– Давид, а был ли в этой группе высокий человек в коричневом кожаном пиджаке, с очень короткой стрижкой, резкими скулами, слегка небритый и... с фляжкой! Говорю «с фляжкой», на случай, если он ее в какой-то момент...

– Фляжка? Такая... старинная, с монограммой?! В смысле псевдостаринная, конечно. На ней еще были инициалы.

– Вот если бы их припомнить! Они бы навели нас на след.

– Инициалы я помню, но никакой ценности они не представляют. Джей Би! Виски «Джим Бим» всего лишь. А можно узнать, почему вы... ты полагаешь, что владелец фляжки имеет отношение к убийству?

Таня невольно усмехнулась. Она, конечно, объяснила бы Давиду, зачем пытается приплести Яна-фантома к интриге убийства – но, право же, ей стыдно за свое сентиментальное ребячество...

– Хотя... я понимаю твой ход мыслей, – деловито отозвался ничего не подозревающий Давид. – Имя «Ян» на английском пишется «Jan», соответственно, его первый инициал совпадает с «JB», с инициалами виски на фляжке. Вероятно, второй инициал тоже совпадает. Человеку приятно иметь фляжку со «своими» инициалами. Распространенный случай. Значит, фамилия вашего Яна на «б». Но его не было в той группе. Он... был вроде бы со всеми и один.

И тут приятные мурашки детективной интриги взбудоражили Таню. Она ощутила почти преступное наслаждение распутыванием клубка, в центре которого была жертва. Жертва, которую не жалко. И потому можно поиграть в сыщиков. Давид еще говорил что-то об опечатанной кладовке и о том, как бы выпросить у полиции фотографии места преступления... а Таня уже слушала эти детали вполуха. До нее наконец дошло – надо составить список присутствующих на вечеринке. И даже гневный сонный Ник, которого разбудил разговор за стенкой, ее не слишком обесточил. Обычно она боялась этого гнева. Теперь же у нее появился якорь помощнее, чем маловразумительные оправдания ночных переговоров сугубой рабочей надобностью.

Оставалось только уведомить Бэллу. До чего же неприятная и нервная миссия!

Глава 4

Шушера

В молодости редактор Арсеньева – так ее звали в литературном мире, и это сочетание уже стало брендом – услышала историю о том, как одна дама, разозлившись на мужа, известного писателя, спустила его рукопись в унитаз. Он имел привычку развешивать свои тексты по стенам, а она их в один прекрасный момент стала срывать – и смывать. Срывать – и смывать. Методично и зло. Редактор Арсеньева тогда подумала: «Как можно было так жестоко поступить с человеком?» Теперь же, спустя годы и даже десятилетия, она думала: «Как можно было так жестоко поступить с унитазом...» Ценности Арсеньевой претерпели глубинные метаморфозы – при этом ее внешность оставалась неизменно неувядающей. Лицо Риммы Сергеевны пребывало гладким и холодным, как трепетно сохраненная в музейном алькове ваза династии Мин. Одно время ходили язвительные слухи, что Арсеньева явно в сговоре с дьяволом, но все эти плоские шутники – где они теперь... А Римма Сергеевна – вот она, на острие современной российской прозы. Все лучшее издает она.

– Быть может, оно и лучшее, только нечитабельное, – дошла до нее однажды чья-то реплика. Кажется, этот ножик в спину – да нет, не ножик, жалкую шпильку или даже легчайший алебастровый камушек в ее огород – ей преподнес шеф. Был тогда в завязке, не пил, оттого в депрессии, поэтому и уши развесил на церемонии вручения одной из ключевых премий. И вместо медоточивых похвал в адрес своей опоры, своей незаменимой правой-левой руки, гордости издательства, – короче, вместо панегириков редактору Арсеньевой он услышал гадкий писк ничтожного завистника. В бочке меда он отыскал ложку дегтя. Вот что происходит с алкоголиками, когда они бросают пить.

Когда пьют – страшно. Бросают пить – еще страшнее. Арсеньева знала это не понаслышке. Но стоит ли отвлекаться на травматический опыт! Это было давно и неправда.

Арсеньева своими ловкими редакторскими щипчиками для выправки текста и вправления растрепавшихся мозгов выудила у шефа все приметы того, кто посмел высказать крамолу о нечитабельности. Точнее, той, которая посмела, – особа была женского пола. Кто бы сомневался! Потом Арсеньева добыла фото и сунула шефу под нос: «Она?» Да, это была она. Собрать досье не представляло труда. Бэлла Миронова. Странно, но она не состояла в конкурирующем издательстве и не была редактором. Более того, этой рыжей выскочке было бы даже выгодно подружиться с издательским домом «Ирис», чтобы его авторы, популярные и активно издающиеся, выступали в Бэллиной богадельне для графоманов-неудачников.

Какая досада, уже не только для графоманов! Досье привело Арсеньеву в сердитое недоумение. Оказывается, эта выскочка уже дружила с «Ирисом», но с другой стороны, минуя Лучшего редактора всех времен и народов. Лучшего, но не единственного. Оказывается, к Бэлле повадились авторы других книжных серий издательства. Видимо, более читабельные, на ее плебейский вкус.

– Ты не права, вкус у нее есть, – возразил шеф.

И ты, Брут! Этого редактор Арсеньева снести уже не могла. Но конечно, она сохранила свое фирменное надменное спокойствие, порой сменяющееся прохладным обменом любезностями с авторами-фаворитами. Свою «вазу лица» она, как всегда, не расплескала. Но стратегия у нее созрела. Прежде чем раздавить вражескую гадину, как говорил ее дядя-генерал, она решила ее использовать. Одно время в хрупком фаворе у Арсеньевой была амбициозная писательница Наталья Борская. Была, но не долго. Холодной, вымерзшей до самой сердцевины Римме Сергеевне вообще никто не нравился долго. Ничья проза. Исключения случались, но им за столь долгое расположение полагалась особо жестокая месть. То есть их вдруг без вся-

кого объяснения переставали издавать. Автор метался в догадках, пытался понять, в чем дело, но ответа не получал. Самые успешные быстро завязывали с отчаянным воплем «почему?» и находили другое издательство, а прочие... по-разному. Борская пока не знала, что ей тоже скоро будет отказано в милости. Арсеньева чуяла, что эта немного истеричная, с неаккуратным макияжем дамочка не повторит успех первого провокационного романа. Уйдет в другие стили. Быть может, это даже будет более талантливым, но Римме Сергеевне Арсеньевой нужен был штучный шедевр. Которого больше ни у кого нет. О чем будут говорить вечно! Вот чего алкала ее душа...

Но с годами ей стало ясно, что этого она не найдет. Она устала от невыносимо высокой планки, которую сама же себе установила. Абсолют оказался фикцией, он растворился в пестром многообразии книгоиздательского потока. Впрочем, ко времени разочарования редактор Арсеньева стала авторитетом в литературном мире и решающей силой в самом мощном издательстве. Поэтому она иногда не гнушалась пользоваться своим положением. Она знала, что ее рекомендация, пусть сказанная в кулуарах, будет иметь влияние для жюри многих литературных премий. И она влияла. Ее авторы не первый год получали награды и благодарно оказывали услуги ей... Не то чтобы Арсеньева просила или вульгарно намекала. Она находилась уже на таком уровне, когда можно не снисходить до слов и намеков. Как там у Булгакова: «Никогда ни о чем не просите, особенно у тех, кто сильнее вас...» Нет, Арсеньева предпочитала не задаваться вопросом о том, кто сильнее, а кто слабее. Ей просто предлагали помощь – она не отказывалась. Возможно, иногда ей предлагали деньги. Просто недостающую сумму – на ремонт квартиры, например. В займы, конечно, но на льготных, естественно, условиях. Рука руку моет, но комар носа не подточит.

Борская была не очень перспективна на сей счет. Ведь, чтобы поймать выгоду, надо, чтобы и автор был не нищий доходяга. А с Борской – неясно, что у нее за душой. Темная лошадка. Пускай пока сама себя порекламирует, а там видно будет. Арсеньева решила придержать ее до лучших времен – хотя их не ждала, но чем черт не шутит. И решила отправить Борскую выступить в клубе «Грин». Благо что другие авторы издательства «Ирис» уже протоптали туда дорожку. Помощница Арсеньевой позвонила Бэлле.

Бэлла посмела отказать! Конечно, не сразу и не в лоб. Сослалась на плотный график мероприятий – якобы никуда не втиснуть. Не знала, с кем связалась. Хотя – вздор! Знала, конечно. Все знают серию редактора Арсеньевой и какие книги в ней выходят. Все, кто имеет хоть малейшее отношение к литературе. Так что... эту рыжую выскочку хотелось наказать, но как-нибудь поизощреннее, поизыщнее. Мысль о мести поначалу удивила Римму Сергеевну, показалась непривычно мелкой и недостойной ее. Однако это был выпад лично против нее, она это чувствовала.

Не то чтобы этот досадный случай не давал ей спокойно жить. Отнюдь. Просто нет-нет да и просачивались предательские нелепые сомнения. Мол, что, если она, великая Арсеньева, и вправду уже не в струе... Не-чи-та-бельна! Вышла в тираж. Сдувается...

Случай свел ее с Семеном Штопиным. Она сразу поняла, что он за тип. Она ему была нужна, поэтому он не хамил. Он искал возможность для издания скандинавского сборника. Мол, знаю, что не ваш профиль – иностранная литература, но не могли бы вы мне посоветовать, к кому обратиться? «Интересно, с какой стати я должна ему помогать», – лениво размышляла Арсеньева. Вот таким поможешь – а они, вместо благодарности, пройдут по твоей голове. Однако в разговоре вспыхнула Бэлла Миронова, и стало намного интересней. Штопин досадовал на клуб «Грин». Типа, что они там из себя строят, по изначальной сути это – обыкновенная библиотека, которых скоро не будет. И «Грина» этого смехотворного не будет, сделают вместо них нормальный кабак для десантников...

– Почему для десантников?! – изумилась Римма Сергеевна.

А потому что Семен был из них, вот такая штука. И мечтал своим сослуживцам сделать царский подарок – место в тихом центре, где они могли бы собираться. Не все же в фонтанах купаться... Выслушав этот бред, редактор Арсеньева принялась медленно напиваться. Это случалось с ней очень редко. Но Штопин, этот напыщенный злой кретин, напомнил ей о том, что на земле российской может прорасти любой абсурд. И библиотеку вполне могут превратить в клуб голубых беретов. Он смотрела на сухопарого, но жилистого Семена и вспоминала слова своего дяди-генерала о том, что настоящие десантники никогда не ходят в свой праздник куролесить на улицу, они спокойно и достойно выпивают дома, а в парках резвится одна шушера... Римма Сергеевна уже не помнила, чем десантники не угодили дяде-ракетчику. Она, конечно, не представляла Штопина резвящимся, но подозревала, что он самая опасная шушера и есть. И лучше бы он купался в фонтане и песни горланил, чем...

А Штопин тоже размяк и помутнел и поведал о том, что библиотеки теперь подвергаются реорганизации. От этого слова веяло «коллективизацией», и не только из-за фонетики. Библиотеки одного округа сливали в одну систему, что, понятное дело, ни к чему хорошему привести не могло. «Грин» вот-вот тоже сольют. Миронова тому отчаянно сопротивляется, но из компетентных источников Штопину якобы было известно, что участь ее детища решена и его «слив» – вопрос лишь времени. Конечно, если бы строптивая Бэлла согласилась поделиться своей властью... то ее бы не тронули.

– С кем поделиться? – наострилась Арсеньева.

– С нами, – последовал невозмутимый ответ. Штопин предлагал Мироновой союз меча и орала – образно говоря, но без шуток. Чтобы «Грин» стал наполовину военно-патриотическим. Словом, день – богема, день – десантники, день – богема, день – десантники... Редактор Арсеньева впервые узнала, как можно смеяться от ужаса. Теперь в ней даже шевельнулось слабое подобие солидарности с непоколебимой Бэллой.

– Зря смеетесь, – как будто даже обиделся Штопин. – Теперь-то ей придется оказаться в клоаке, без юридического лица, под пятой бездарного руководства. Ее выживут, а клуб все равно попадет к нам.

– ...Я вижу, военное ведомство положило глаз на это помещение, – усмехнулась Арсеньева.

– А вот и ошибаетесь! Ведомство тут ни при чем!

Тогда попробовала с другой стороны:

– Я удивляюсь широте ваших интересов, Семен. Если вы так преданы своему роду войск, то с чего вдруг скандинавы?

– А по-вашему, если десантник – то тупой солдафон?!

Римма Сергеевна поняла, что задела очень чувствительную и опасную струну. Но поздно. Штопин наливал глаза кровью, а Арсеньева на молитвенной ноте заверяла его в тайной любви к его роду войск. Тем более что она и вправду ничего не имела против! Она никогда не была солидарна со своим дядей-воежкой, напротив, он всегда был объектом ее ядовитых насмешек. Так что ничего личного! Она была готова признать, что под пропитанной потом тельняшкой живет и страдает тонкая, стремящаяся к совершенству душа. Если честно, она была готова признать что угодно, лишь бы Штопин оставил ее в покое. Потому что редактор Арсеньева почувствовала в нем слой черной ненависти. К чему – неясно, но эти тайны ей были ни к чему. Встретившись с таким человеком, главное – вовремя сбежать. Никакие аргументы даже самого искусного переговорщика здесь не помогут. В таких людях в непредсказуемые моменты просыпается сам дьявол, и дело не в алкоголе, это глубинное свойство характера. В драке оно, наверное, представляет особую ценность, но на войне этого мало. Тем более в разведке. Нужны еще смекалка, быстрая реакция, везение и, несомненно, ум. Был ли Штопин умным? Вряд ли, если до сих пор не унял свое черное пламя. В мирной жизни оно сжирает прежде всего того, в ком живет.

Можно было дать понять, что их общение закончено, и уйти, но редактор Арсеньева давно уж ни с кем не ссорилась и не конфликтовала в открытую. Несolidно. К тому же она знала, что не стоит враждовать со злыми и энергичными. Ни к чему этот шум. Она титаническими усилиями смягчила «военную истерию». Ей давно уже не было свойственно ангельское терпение. Но когда-то, в далекой молодости, она недолго была замужем за алкоголиком. И некоторый навык укрощения, а точнее, умашения и усыпления строптивых у нее с тех пор остался. Она таки пообещала оказать содействие скандинавскому сборнику – «почему бы не дать ход доброму делу», а нетрезвый Штопин выдал ей весьма своеобразную версию ближайшего будущего, в котором клуб «Грин» всегда открыт для мадам Арсеньевой и ее авторов. То есть сначала Штопин планировал сместить Бэллу, потом воцаряются голубые береты, без них никак, а потом... они милостиво предоставляют Римме Сергеевне ведать литературной программой. Таким образом, то, от чего категорически отказалась Миронова, предлагалось... Нет, Арсеньева уже не раздражалась презрительным хохотом, она все стерпела и даже изобразила благодарность – чего не сделаешь во имя спасения!

Слушая штопинский бред, редактор чуяла: неспроста этот тип машет руками. Куда-то он вхож, что-то ему известно. Но не дай бог попасть в жернова запутанной подковерной борьбы власть имущих. Пускай сами себя пожирают, без ее, Арсеньевой, участия. Она так толком и не поняла, интересуется ли в действительности помещение «Грина» кого-то из крупных монстров в погонах. Потом ей, конечно, примечалось, что предложение Штопина – прозвучи оно из других, более адекватных и царственных уст – могло бы быть ею принято. Это был бы выход на новый уровень. Когда-то прогремели знаменитые литературные вечера в Политехническом музее. Тоже ведь на первый взгляд странное соседство... Что касается Бэллы... да не хотела редактор ее смещать! Она хотела ее использовать. Разве что поставить на место разок-другой. В чем-то ей отказать. Скажем, в набирающем известность авторе. А пока отказала Бэлла. Ну и черт с ней.

И вот сборник был издан. Связи сработали. Благодарный Штопин позвал ее на презентацию. Она пошла – из любопытства, конечно. Посмотреть на пресловутый «Грин». И на его хозяйку, конечно. Но та в отъезде. Переживем. Живая музыка – приятно. Больше ничего особо интересного. Кроме того, что она встретила давнего знакомого. Она по нему даже соскучилась. Он один из немногих мог ее развеселить. Что ж, теперь она знает, где его искать. Но искать не будет. Пускай сам ищет.

Редактор Арсеньева блаженно вытянула ноги. С вечеринки ее подвозил на дачу старый верный дружок Тема, к тому же и сосед по загородной резиденции. Да, это была именно резиденция, хотя никакого современного шика в этом домишке не было. Но само место! Очень удобное, а потому золотое. Недалеко от города, при этом тихое и красивое. На задах участка течет река, купайся сколько хочешь, а осень – смотри на воду, медитируй, жарь шашлыки. Красота. Но утром ее разбудил звонок. Тот самый старый знакомый – подумать только! – предупредил, что ее могут вызвать на допрос. Потому что... Штопина убили! Прямо в «Грине»... В том месте, которым он хотел завладеть.

Боже, зачем же она вчера туда потащилась! Надо было срочно сообразить, что же делать.

Она думала недолго. Это убийство она обратит себе на пользу. Она набрала телефонный номер и принялась терпеливо ждать...

Глава 5

Дознание в духе дзен

Следующий день в клубе «Грин» и сопряженной с ним библиотеке был объявлен санитарным в интересах следствия. Хорошо, что вовсе не закрыли, а то любознательные читатели непременно докопались бы до истинной причины. Раньше в библиотеки ходили все, а теперь – избранные, Шерлоки-аристократы духа с острым пытливым умом... Таня пришла на работу самой последней. Эта привилегия ей была давно пожалована начальницей, но сегодня она должна была поступить наоборот – прийти раньше всех. И в тишине осмотреть... место преступления? Впрочем, кладовка была опечатана, а коллектив был близок к температуре кипения. Но Таня знала: ей ни в жизни не прийти раньше их, десятилетиями привыкших к насильственному месту и каждый день послушно выполняющих свой ритуал. Таня же пришла сюда, будучи до мозга костей свободным художником, который терпеть не может корпоративных тисков. Но Бэлла ее приманила стабильной зарплатой и позволением некоторых вольностей, вроде позднего прихода. Без этого Таня давно бы распрощалась с «Грином». Каждое утро было для нее «Утром стрелецкой казни» – настолько она тяжело вставала и приходила в себя. Такой уж организм. Но сегодня, сегодня... не надо было ей попадать в ловушку дремы после разговора с Давидом. Тот, хотя и вовсе не спал, держался бодро. И ему явно не терпелось доложить обстановку. Благо они с Таней сидели в одном кабинете.

– В три придет следователь. Будет собрание. Потом наверняка будет говорить с каждым в отдельности. Звонила Бэлла Максимовна, искала тебя...

– Значит, она в курсе! Этого следовало ожидать. Телепатка Бэлла... Кто ей сообщил? Кто-то из сотрудников?

– Она не сказала. Хотела говорить с тобой. Ну и еще со Славой, конечно, но его тоже нет. Уехал в департамент, у него было что-то срочное.

«Надо же, Птенчик решил не вовремя вернуться к своим прямым обязанностям», – мелькнула у Тани лукавая мыслишка. Надо же было отвлечься от мрачных предчувствий. Хотя какие могли быть предчувствия – непоправимое уже случилось. Что скажет Бэлла на то, что ей кто-то позвонил раньше ее верной подружки Танечки?!

Стоп! Почему Танечка так боится своего босса, с которой они когда-то делили и кров и спали на скрипучей софе попка к попке? Это было, конечно, очень много лет назад. Целую прорву лет. И очень недолго. Но все же было. Что с того, что Таня не первая сообщила ей об убийстве, случившемся в «Грине»?!

– Ребята, вы знаете, что Ляля сегодня не придет. Ее муж избил! – сипло ворвалась с новостями Леночка. – Поэтому я там у себя на абонементе одна, имейте в виду.

И вдруг она осела на стул, который всегда мешался в проходе, но нынче пришелся так кстати, и вся внутренне налилась тяжелыми слезами, не давая им выйти наружу привычным для себя дисциплинарным усилием. Леночку называли Ленца – не от лени, а как раз от противного. Ленка была старательна до степени трудоголика. Тане всегда казалось, что даже слишком старательна. Что это именно тот человек, который, разразись форс-мажор, выполнит все точно по инструкции: выдернет шнур, выдавит стекло – и далее по пунктам. Но ведь в экстремальных ситуациях требуется не столько исполнительность, сколько быстрота реакции, изобретательность, адреналиновая отвага. Потому что в нашем российском чаду шнур непременно не выдернется, стекло не разобьется, а огнетушитель давно заржавел...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.